

ЛЕКЦИЯ 7

Мы с вами остановились на ектении об оглашенных. Этим моментом кончается литургия оглашенных. Читая молитву, которая произносится священником во время этой ектении, я говорил вам, что священник во время возгласа дьякона "Откроет им Евангелие правды" разворачивает на престоле антиминос. К этому моменту я должен вернуться, и даже к моменту еще более раннему, потому что антиминос разворачивается не сразу, а как бы в два приема. Сначала разворачивается нижняя часть антиминоса во время ектении сугубой, а во время ектении об оглашенных открывается уже весь антиминос полностью.

Этот чисто технический момент, мало имеющий значения для вас, кроме тех, кто станет священником или дьяконом, сам по себе не так, может быть, существен. Гораздо важнее понять, что такое антиминос и для чего он употребляется в Божественной литургии.

Само это слово — "антиминос" — греческое, сложное. В буквальном переводе на русский язык оно означает: "вместопрестол". Как вы знаете, частица "анти" по большей части означает "вместо", хотя иногда принимается как "против". Так вот, местопрестол — это обычно шелковый плат, на котором изображается положение Христа во гроб. Немного выше центра этого плата, выше изображения Христа, вкладывается частица мощей как правило, мощей безымянных мучеников, которые церковь содержит с очень древних времен. Антиминос освящается епископом той области, той епархии, которая им управляется.

Для чего и когда возникло употребление антиминосов?

Антиминосы стали употребляться в глубокой древности, когда уже возникло ясное представление о том, что литургия должна совершаться не просто на любом столе или на любом пустом месте — это должно быть место святое.

Сначала, как вы, может быть, помните, первые христиане совершали литургию на гробах мучеников, считая, что мощи святых мучеников освящают место. И эти гробы мучеников, гробницы их, являются достойным местом для совершения Божественной литургии. И в память этого обычая под престол, когда он освящается в храме, а также в антиминос вкладывается частица мощей мучеников. Под престол, правда, не обязательно мощи мучеников, могут быть и другие мощи положены — мощи какого-то святого. Иногда они и не кладутся. Обычно мощи под престол вкладываются тогда, когда престол освящается епископом. А если освящение престола поручено священнику, то мощи не вкладываются.

Потом, когда древняя катакомбная практика и быт — церковный быт — христиан уступили место новой исторической эпохе, эпохе Константиновской, когда стали строиться большие великолепные храмы с прекрасными престолами, возник чин освящения храма и престола. И вот здесь уже мощи вкладывались под престол.

Освящение архиереем престола является, в принципе, достаточным для того, чтобы совершать на нем литургию. Но, может быть, в особенности в России возникла потребность поручать освящение престола священникам, потому что пространства России не позволяли епископу объехать все храмы области и освятить все престолы в его епархии. Вы сами знаете, что многие епархии России и сейчас превосходят по своим размерам целые большие государства в Европе. Например, Якутская епархия, наверное, больше всей Европы, вместе взятой. При отсутствии транспорта в

— 2 прежнее время епископ, конечно, не мог объехать всю епархию и освятить там все престолы, какие было нужно. Он поручал это делать по особому чину или какому-то старшему священнику, протоиерею, или архимандриту, и чин освящения при этом сокращался. Но поскольку есть твердая норма, канон — не может быть храм устроен без архиерея, без епископа, одной лишь только священнической властью, — то нужно было как бы свидетельство того, что именно епископ устраивает этот храм.

В качестве такого благословения епископского и его освящения давался священнику антиминос, местопрестол — шелковый плат, который полагался на престоле, в нем были уже вложены мощи обязательно и была надпись, кем, когда и для какого престола освящен этот антиминос. То есть, антиминос освящается архиереем в любом месте, в любом храме, где он служит литургию, и эти антиминосы он может рассылать по всей епархии, отдавая их священникам. Таким образом, здесь происходит восполнение недостатка, который имеется в освящении престола священником.

Может быть, именно это обстоятельство сделало практику употребления антиминосов постепенно всеобщей. Но, вероятно, не только это. Вероятно, в древности приходилось часто совершать литургию не только в храмах, и тогда тоже нужно было иметь с собой как бы некий переносный престол, и таким местопрестолом являлся антиминос.

Так или иначе, но со временем, уже довольно давно, утвердилась традиция, что литургия совершается только на антиминосе. Поэтому сейчас и на освященных епископом престолах тоже полагается антиминос обязательно, и такое положение антиминоса уже входит в сам чин освящения храма.

Антиминс — это великая святыня, и в древности, когда антиминсы стали уже храниться, стали употребляться повсеместно, была такая норма: если, скажем, случилось какое-то нападение, или бедствие, или пожар, или что-то еще, то прежде всего нужно спасти антиминс. Святые Дары, антиминс и священные сосуды. И, между прочим, во времена гонений, которые были в нашем веке, тоже часто верующие спасали антиминсы и хранили их до будущих времен. Частенько эти антиминсы использовались для служения литургии по домам, для катакомбного служения. Это было вовсе не редкость во время гонений в 20 веке.

Антиминс свят потому, что освящен архиереем, потому, что в него вложены святыя мощи, и потому, что на нем совершается Божественная литургия. Так что он освящается еще и той литургией, которая на нем совершается.

Священник, открывая антиминс, целует его, и это не просто добрый обычай, но и знак того, что он является послушным архиерею. Целование антиминса, его открытие символизируют здесь полноту церкви. Вероятно, в курсе теологии вы будете изучать послание святого Игнатия Богоносца, где есть слова: "Где епископ, там и церковь". Полнота церкви бывает только вместе с епископом и пресвитерами. И вот это как бы некое присутствие епископа или, по крайней мере, его благословение, то, что литургия совершается по благословию епископа, — все это здесь символизируется тем, что литургия совершается на антиминсе. Антиминс, данный священнику, является благословением ему совершать Божественную литургию.

Так что весьма существенно почувствовать: в литургию входит такой момент — священник каждый раз особенно молится и символизирует свое послушание архиерею в знак того, что он с ним единомыслен, единокорен, что он совершает литургию по его

— 3 благословию, по его поручению или, иначе, как это говорится более научно, ему делегируется от епископа власть совершать Божественную литургию.

Когда епископ служит литургию, он тоже теперь ... антиминс, хотя епископу это не обязательно, достаточно просто освященного места, освященного престола для епископа. Но теперь уже это настолько вошло в абсолютную традицию, что епископы тоже всегда совершают литургию на антиминсе. То есть, наличие антиминса стало уже непременным условием для совершения литургии.

Антиминс освящается епископом той области, которой епископ управляет. Скажем, у нас в Москве антиминсы освящены Патриархом. Если приходит новый епископ, это не значит, что все антиминсы нужно менять. Старые антиминсы остаются, и на них продолжается совершение литургии. Но если антиминс стал ветхим, если он продырявился от длительного употребления, то его нужно заменить. Тогда священник ..., возвращает антиминс епископу, из этого антиминса вынимаются святыя мощи и вкладываются в новый антиминс. Этот новый антиминс освящается и отдается для служения.

Таким образом, к моменту окончания литургии оглашенных, когда дьякон возглашает: "Елицы оглашении, изыдите...", на престоле открыт антиминс и все готово к следующей части литургии, которая называется литургией верных — именно потому, что здесь могут теперь присутствовать только верные, только крещенные люди (конечно, не формально крещенные, а те, кто является действительно членами церкви). Дьякон тотчас совершает следующую, очень краткую, ектению. Он говорит: "Заступи, спаси, помилуй и сохрани нас, Боже, Твоею благодатию. Премудрость". А священник читает в это время первую молитву верных:

"Благодарим Тя, Господи Боже Сил, сподобившаго нас предстати и ныне святому Твоему Жертвеннику и припасти ко щедротам Твоим о наших гресех и о людских неведениях. Приими, Боже, моление наше, сотвори ны достойны быти, еже приносить Тебе моления и мольбы и Жертвы Безкровныя о всех людех Твоих; и удовли нас, ихже положил еси в службу Твою сию, силою Духа Твоего Святаго, неосужденно и непреткновенно, в чистом свидетельстве совести нашея; призывати Тя на всякое время и место. Да, послушая нас, милостив нам будеши во множестве Твояе благодости".

А потом громко произносится возглас: "Яко подобает Тебе всякая слава, честь и поклонение, Отцу и Сыну и Святому Духу, ныне и присно и во веки веков. Аминь".

Как видите, здесь продолжается все та же особенность служения литургии — молитва читается священником в алтаре тихо, а вслух произносится только окончание, возгласы, которые являются как бы придаточными предложениями. После этого дьякон говорит снова ектению: "Паки и паки миром Господу помолимся. О Свышнем мире и спасении душ наших, Господу помолимся. О мире всего мира, благостоянии Святых Божиих Церквей и соединении всех, Господу помолимся. О святем храме сем..." — то есть, иначе говоря, как бы сокращенную мирную ектению.

Как вы знаете, мирная ектения произносится всегда в начале всякого большого чинопоследования. В начале вечерни, в начале утрени, в начале литургии, в начале большого молебного пения всегда произносится мирная ектения. Здесь начинается литургия верных и тоже как бы произносится мирная ектения, но сокращенная, поскольку нет возгласа начального и служба не прерывается. Поэтому говорить вторую мирную ектению как бы не

— 4 уместно, и она сокращается. Священник читает вторую молитву верных:

"Паки и многожды Тебе припадаем и Тебе молимся, Благий и Человеколюбче, яко да, призрев на моление наше, очистиши наша души и телеса от всякия скверны плоти и духа и даси нам неповинное и неосужденное предстояние Святого Твоего Жертвенника. Даруй же, Боже, и молящимся с нами преспеяние жития, и веры, и разума духовнаго. Дажь им, всегда со страхом и любовию служащим Тебе, неповинно и неосужденно причастится Святых Твоих Таин, и Небеснаго Твоего Царствия сподобити."

И опять возглас: "Яко да под Державою Твоею всегда храними, Тебе славу возсылаем, Отцу и Сыну и Святому Духу, ныне и присно и во веки веков". Этот возглас, наверное, всем вам памятен, потому что после этого возгласа дьякон уходит в алтарь и отверзает царские врата. Берет кадило и начинает полное каждение: сначала кадит престол, алтарь, жертвенник и весь алтарь, потом выходит на солею через царские врата. Здесь есть некая особенность, очень характерная. Дьякон, покадивши алтарь, сразу выходит через царские врата на солею и кадит иконостас, а потом возвращается в алтарь, кадит священника или священников, которые находятся в алтаре, затем снова возвращается на амвон и кадит после этого уже только клиросы и народ.

Обычно бывает не так. Обычно, если дьякон уже вышел с кадилом кадить, он уже в алтарь не возвращается. А здесь он как бы заканчивает каждение алтаря каждением иконостаса. Эта особенность не случайна. Она здесь символизирует, что открытые царские врата соединяют нас с Небом, здесь уже как бы алтарь соединен со всем храмом, уже он не отдельно здесь присутствует, и Царство Божие пришло уже к нам. Поэтому каждение иконостаса — это как бы каждение всего храма, не отдельно алтаря и храма, а весь храм кадится, а потом уже только кадится священник и все люди — тоже вместе.

Такое каждение совершается дважды во время литургии — во время чтения Апостола и в этот момент. Пока дьякон кадит, он должен читать 50-й псалом про себя, а священник в это время читает особенную молитву, которую я сейчас тоже прочитаю вслух, и вы должны ее внимательно послушать, потому что молитва очень важная:

"Никтоже достоин от связавшихся плотскими похотьми и сластями приходити, или приблизитися, или служити Тебе, Царю славы; еже бо служити Тебе — велико и страшно и самем Небесным Силам. Но обаче, неизреченнаго ради и безмернаго Твоего человеколюбия, непреложно и неизменно был еси Человек и Архиерей нам был еси, и служебныя сея и Безкровныя Жертвы священнодействие предал еси нам, яко Владыка всех. Ты бо един, Господи Боже наш, владычествуеши Небесными и земными, Иже на Престоле Херувимсте носимый, Иже Серафимов Господь и Царь Израилев, Иже един Свят и во святых почиваяй.

Тя убо молю, единаго Благаго и Благопослушливаго: призри на мя, грешнаго и непотребнаго, раба Твоего, и очисти мою душу и сердце от совести лукавыя, и удовли мя, силою Святаго Твоего Духа, облеченна благодатию священства, предстати святей Твоей сей трапезе и священнодействовати Святое и Пречистое Твое Тело и Честную Кровь. К Тебе бо прихожду, приклонь мою выю и молю Ти ся, да не отвратиши лица Твоего от мене, ниже отринеши мене от отрок Твоих. Но сподоби принесенным Тебе быти мною, грешным и недостойным рабом Твоим, Даром сим. Ты бо еси приносяй и приносимый, и приемляй и раздаваемый, Христе Боже наш, и Тебе славу возсылаем, со Безначальным Твоим Отцем и Пресвятым и

— 5 Благим и Животворящим Твоим Духом, ныне и присно и во веки веков. Аминь".

Эта молитва очень отличается от всех молитв, которые читаются во время литургии. Если про другие молитвы я все время говорил вам, что они должны были бы читаться вслух и только некая сложность, некие обстоятельства мешают этому чтению вслух, то про эту молитву нужно сказать, что она должна читаться священником про себя. Потому что эта молитва — о самом себе. Все молитвы, как вы могли заметить, произносятся от лица всего народа, как правило. А эта молитва читается священником только о самом себе. Это есть молитва покаянная, и в ней священник просит о том, чтобы Бог дал ему силы для совершения Божественной литургии. Чтобы Он не смотрел на его недостойнство, не смотрел на его немощь, укрепил бы его и дал ему благодать совершить ту литургию, которую совершает Сам Господь.

Молитва эта, как вы видите, особенно трогательна и глубока и исполнена очень сильного чувства. В этой молитве содержится целое богословие. Священник сначала говорит в ней о том страшном моменте, который представляет собой это служение. "Никтоже достоин от связавшихся плотскими похотьми и сластями приходити, или приблизитися, или служити Тебе, Царю славы..." — никто не достоин. А дальше объяснение — почему: "...служити Тебе — велико и страшно и самем Небесным Силам. Но обаче, неизреченнаго ради и безмернаго Твоего человеколюбия, непреложно и неизменно был еси Человек..." — но ты, Господи, несмотря на то, что и Небесным Силам служить Тебе невозможно, но Ты ради своего неизреченнаго человеколюбия стал человеком, непреложно и неизменно стал человеком. "...и Архиерей нам был еси, и служебныя сея и Безкровныя Жертвы священнодействие предал еси нам, яко Владыка всех". Это удивительные слова, которые имеют в себе совершенно особенный и

глубочайший смысл. Здесь, как нигде в другом месте, объясняется, исповедуется то убеждение, что истинный Архиерей наш — это Господь Иисус Христос. "...Архиерей нам был еси..." — Ты Архиерей нам был еси, Ты пришел.

Об этом говорится, конечно, в Священном Писании, в Послании ап. Павла — о том, что Христос — истинный Первосвященник, единственный Первосвященник. И вот здесь тоже говорится, что Архиерей наш — последний, первый — это Господь Иисус Христос. И всякое архиерейство, так же как и священство вообще, дается человеку только по образу Христа.

Прочитав эту молитву, священник воздевает руки и читает следующую молитву:

"Иже Херувимы тайно образующе и Животворящей Троице Трисвятую песнь припевающе, всякое ныне житейское отложим попечение".

А дьякон, который в это время кончает каждение, подходит к священнику и добавляет: "Яко да Царя всех подыдем, ангельскими невидимо дориносима чинми. Аллилуиа, аллилуиа, аллилуиа".

Это так называемая Херувимская песнь, которую одновременно поет хор во все это время, вы сами знаете, что это одна из самых прекрасных частей литургии и одно из самых замечательных песнопений вообще в христианской службе. Херувимская песнь поется долго, чтобы священник успел в это время совершить все необходимые действия.

Это песнопение не совсем как бы ясно для нас и требует специального разъяснения. Первая часть его более проста: "Иже Херувимы тайно образующе..." — то есть, преобразуя Херувимов и Животворящей Троице Трисвятую песнь припевающе, мы всякое ныне житейское отложим попечение. Мы сейчас тайно преобразуем Херувимов и, поклоняясь Святой Троице и припевающе Трисвятую песнь, отложим попечение житейское. Последующие слова: "Яко да Царя всех подыдем, ангельскими невидимо дориносима чинми. Аллилуиа, аллилуиа, аллилуиа" — несколько более сложны.

Существуют разные толкования на эти слова. Самое трудное слово — это "дориносима". Что это значит? Есть такое толкование, что это образ, взятый из древней Византии, когда победившего полководца воины поднимали на щит, а этот щит несли на копьях. Иначе говоря, на копья как бы втыкали щит, сажали на него своего императора или полководца, поднимали очень высоко и так торжественно несли его в свой город. Полководец восседал высоко на особом как бы престоле. Слово "дориносима" будто бы изображает такое шествие торжественное.

Но есть и другие толкования. Здесь можно думать, что это слово означает: "невидимо присутствующими здесь ангельскими чинами" Господь носим между нами. Такое толкование возможно.

Для того чтобы вполне уразуметь, что здесь имеется в виду, нужно вернуться к древним временам, вспомнить, как раньше, в древности, совершалась литургия верных. Но прежде чем рассказать об этом, я расскажу вам, как сейчас совершается этот чин, хотя вы, конечно, в основном его представляете.

Трижды воздевая руки и произнося эту Херувимскую песнь, священник целует антиминс, лежащий на престоле, потом поклоняется народу, прося прощения и молитв, и отходит к жертвеннику. Здесь он кадит приготовленные Дары, которые на жертвеннике с момента проскомидии стоят, покрытые воздухами, и говорит: "Возмите руки ваша во святая и благословите Господа". И берет воздух, которым покрыты чаша и дискос, полагает этот воздух на плечо дьякону. Затем берет дискос, тоже покрытый воздухом, и со словами "Священнодиаконство твое да помянет Господь Бог во Царствии Своем всегда, ныне и присно и во веки веков" дает дискос с приготовленным на нем Агнцем дьякону, а сам берет чашу, и в предшествии свещеносца с кадилом и со свечой торжественной процессией все выходят через северные врата на солею и на амвон.

На амвоне дьякон громко возглашает: "Великого Господина и Отца нашего Алексия, Святейшего Патриарха Московского и всея Руси да помянет Господь Бог во Царствии Своем, всегда, ныне и присно и во веки веков", — и уходит с дискосом в алтарь. А священник говорит: "Преосвященнейшего митрополита (или: архиепископа, или: епископа), весь священнический и монашеский чин и причет церковный, братию святого храма сего, вас и всех православных христиан да помянет Господь Бог во Царствии Своем, всегда, ныне и присно и во веки веков", благословляет чашей народ и тоже уходит в алтарь. Затем благословляет свещеносца. Закрываются царские врата и даже закрывается завеса, что является особенным моментом, потому что ни во время вечерни, ни во время утрени завеса не закрывается.

В то время, когда Дары вносятся в алтарь через царские врата, хор поет: "Яко да Царя всех подыдем, ангельскими невидимо дориносима чинми...". Здесь мы остановимся на время и вернемся к тому, как совершался так называемый великий вход в древности. Для этого нужно вспомнить, что проскомидия совершалась раньше не в алтаре, а в другом месте, и жертвенник, на котором приготавливались Дары для причащения и полагался Агнец на дискос, и вино вливалось в чашу — все это находилось не в алтаре, а даже скорее ближе ко входу, потому что именно там в

— 7 жертвеннике собирались все пожертвования, которые приносили миряне. Там были не только вещества для совершения Божественной литургии, но и другие жертвования, которые могли быть

использованы потом на общей трапезе, например. Это могли быть свечи, ладан или елей, какие-то ткани для украшения храма. Одним словом, жертвенник, место, куда приносили жертвы, находился ближе к двери, ведущей в храм. И вот в момент, когда начиналась литургия верных, епископ оставался в алтаре, а священники и дьяконы уходили в этот жертвенник за Дарами и оттуда торжественно через весь храм несли эти Дары к алтарю, к престолу. И здесь, естественно, они приветствовали епископа словами: "Епископство твое да помянет Господь Бог во Царствии своем, всегда, ныне и присно и во веки веков". И вручали ему эти Дары — сначала дискос, потом чашу.

Остаток этого чина мы видим и сейчас при совершении литургии архиерейским чином. Во время служения архиерея дискос и чаша тоже выносятся дьяконом и священником, а епископ остается в алтаре и в царских вратах их принимает от дьякона и от священника. Теперь, конечно, когда жертвенник находится в том же алтаре, где и престол, перенесение с жертвенника на престол Даров через солею и царские врата тоже стало чисто символичным. Практически было бы, конечно, естественнее просто перенести с жертвенника на престол эти Дары. Выходить на амвон для этого нет никакой необходимости, это чистый символ. Здесь вспоминается и символизируется вот это торжественное шествие, торжественное принесение и вхождение как бы в алтарь для совершения Бескровной Жертвы. Т.е. здесь символизируется шествие Господа Иисуса Христа на свое крестное страдание, поэтому этот момент является особенно торжественным и многозначительным, величественным. В этот момент от всех нас, конечно, требуется усиленная молитва. Потому что, как вы помните, во время богослужения мы не только вспоминаем все те события, которые упоминаются в тексте службы, но и приобщаемся этим событиям. Не только их вспоминаем, но и являем их снова здесь, они снова как бы здесь воплощаются во времени и в пространстве, и мы можем приобщиться этим событиям. И, таким образом, здесь мы верим, что это шествие Господне на страдание совершается с нашим участием. Мы приобщаемся именно к тому страшному моменту, когда Господь шел на свое крестное страдание — в Гефсиманский сад, а затем на Голгофу, неся крест. И вполне естественно, что мы не можем переживать этот момент легкомысленно и безучастно. Конечно, здесь требуется от всех нас особенная, единокровная и сокровенная, сердечная молитва.

Епископ вспоминается здесь опять-таки не только в память о древнем способе перенесения Даров, но еще и в знак нашего единства с ним, потому что теперь, как правило, епископ отсутствует в храме, литургия совершается только священником, и здесь снова напоминает, что священник литургисает в единокровии с епископом и по его благословию, а не самостийно, не своевольно. Поэтому поминовение епископа на литургии во время великого входа обязательно есть знак послушания этому епископу.

Если, скажем, какой-то священник захотел бы уйти в раскол и больше своего архиерея не слушаться, то первым делом он перестал бы помянуть его на литургии. Это как раз знак того, что больше он своему епископу не послушен. Поэтому когда приходится, скажем, встречаться с какими-то раскольниками — а таких раскольников в разные времена было много, а в наше время особенно много, — то всегда можно узнать, какого толка эти раскольники, спросив, кого они поминают на литургии, какого епископа. Если они, скажем, карловчане..., то они будут помянуть своего митрополита Виталия. Если они принадлежат к свободной церкви так называемой, то будут помянуть митрополита суздальского Валентина на литургии. А все те, кто живет в Патриаршей церкви, поминают на литургии Великого Господина и Отца своего Патриарха Московского и всея Руси и того епископа, который правит данной епархией. Поскольку Патриарх является нашим епископом Московским, то мы поминаем только его, а в любой другой епархии поминают и Патриарха, и епископа. Таким образом, это есть еще и момент исповедальный, момент исповедания полного единства и церковного послушания, единомыслия, что очень важно.

После совершения великого входа священник ставит чашу на антиминос, уже приготовленный, потом принимает из рук дьякона дискос, тоже поставляет его на антиминос и снимает покровцы, читая молитву: "Благообразный Иосиф, с древа снем пречистое Тело Твое, плащаницею чистою обвив и благоуханьми, во гробе нове, покрыв, положи.

Во гробе плотски, во аде же с душою, яко Бог, в Раи же с разбойником, и на Престоле был еси, Христе, со Отцем и Духом, вся исполняя неописанный.

Яко живоносец, яко Рая краснейший воистину и чертога всякаго царскаго, показася светлейший, Христе, гроб Твой, источник нашего Воскресения".

Затем берет у дьякона воздух, который был у него на плече, и, обвивая им кадило, наполняя как бы его благовониями, снова говорит молитву: "Благообразный Иосиф, с древа снем пречистое Тело Твое, плащаницею чистою обвив и благоуханьми, во гробе нове, покрыв, положи". И полагает этот воздух на чашу и дискос одновременно. Маленькие покровцы сняты, а большой воздух положен на Дары.

Судя по этим текстам, вы сами понимаете, что здесь символизируется положение Господне во гроб. Если вход символизировал шествие на страдание, то теперь здесь символизируется как бы снятие с

креста и положение во гроб — все то, что мы с вами переживаем в Страстную седмицу. Таким образом, здесь и песнопение Страстной седмицы, Страстного четвертка и субботы тоже вспоминается.

После этого священник берет кадило у дьякона и говорит молитву: "Ублажи, Господи, благоволением Твоим Сиона, и да созиждутся стены Иерусалимския; тогда благоволиши жертву правды, возношение и всесожегаемая, тогда возложат на олтарь Твой тельцы", т.е. окончание 50-го псалма. Кадит Дары, лежащие на престоле, и говорит: "Помяни мя, брате и сослужителю" дьякону. Дьякон отвечает: "Да помянет Господь священство твое во Царствии Своем". Тогда дьякон говорит священнику: "Помолися о мне, владыко святой". А священник отвечает: "Дух Святой найдет на тя, и сила Вышняго осенит тя". Дьякон: "Тойже Дух содействует нам во вся дни живота нашего, всегда, ныне и присно и во веки веков". И опять: "Помяни меня, владыко святой". — "Да помянет тя Господь Бог во Царствии Своем, всегда, ныне и присно и во веки веков. Аминь".

Этот диалог, который произносится обычно в алтаре очень быстро и мирянам совершенно не известен, на самом деле являет некую странность. Она нами будет замечена, если внимательно вслушаться в ее смысл.

Священник говорит: "Помяни мя, брате и сослужителю", обращается к дьякону и просит его молитв. Священник у дьякона

— 9 это необычно. Казалось бы, должен дьякон просить у священника молитв. Затем дьякон ему говорит: "Да помянет Господь Бог Священство твое", т.е. он как бы его не благословляет, но поддерживает и молится о нем вслух. Потом говорит ему: "Помолися о мне, владыко святой", а священник говорит: "Дух Святой найдет на тя, и сила Вышняго осенит тя". Почему именно такие возвышенные слова говорятся дьякону? И почему именно дьякону требуется такое укрепление, ведь его служение второстепенное?

На самом деле этот диалог является остатком того диалога, который совершается при архиерейском служении, в котором все имеет обратный смысл. Там епископ просит молиться о нем своих братьев и сослужителей, и ему священник говорит: "Дух Святой найдет на тя, и сила Вышняго осенит тя". То есть, священники, которые собрались вместе с епископом и совершают Божественную литургию, молятся, чтобы Дух Святой пришел на этого епископа перед тем, как он совершит Божественную литургию, самое страшное таинство. Но поскольку обычно епископа нет, то... и та молитва, которая произносилась в адрес епископа, теперь священником произносится в адрес дьякона. Произошло несколько неправомерное смещение, но оно уже стало привычным, и ничего страшного здесь нет. Но для того чтобы понять смысл, весьма существенно знать этот исторический момент.

Когда совершается архиерейская литургия, этот момент бывает очень торжествен, когда епископ, будучи архипастырем и отцом для всех собравшихся, просит всех помолиться о нем, и все ему хором говорят: "Дух Святой найдет на тя, и сила Вышняго осенит тя", т.е. молятся, чтобы он облекся силой. Здесь, конечно, этот момент несколько изменен и скомкан.

После этого дьякон исходит на амвон и возглашает ектению: "Исполним молитву нашу Господеву. О предложенных честных Дарех Господу помолимся. О святем храме сем и с верою, благоговением и страхом Божиим входящих в оны, Господу помолимся". И дальше ектения сугубая: "О избавитися нам от всякия скорби, гнева и нужды... Заступи, спаси, помилуй... Дне всего совершенне, свята, мирна и безгрешна, у Господа просим..." и т.д. А священник читает в это время молитву:

"Господи Боже Вседержителю, Едине Святе, приемляй жертву хваления от призывающих Тя всем сердцем! Приими и нас, грешных, моление, и принеси ко Святому Твоему Жертвеннику, и удовли нас приносити Тебе дары же и жертвы духовныя о наших гресех и о людских неведениях; и сподоби нас обрести благодать пред Тобою, еже быти Тебе благоприятней жертве нашей и вселитися Духу благодати Твоя благому в нас, и на предлежащих Дарех сих, и на всех людех Твоих".

Оканчивается эти молитва и ектения возгласом священника, совершенно необычным, только здесь употребляемым: "Щедротами Единороднаго Сына Твоего, с Нимже благословен еси, со Пресвятым и Благим и Животворящим Твоим Духом, ныне и присно и во веки веков. Аминь". Как всегда, вы видите, что это есть окончание молитвы. Последние слова такие: "...сподоби нас обрести благодать пред Тобою, ...и вселитися Духу благодати Твоя благому в нас, и на предлежащих Дарех сих, и на всех людех Твоих". И окончание: "Щедротами Единороднаго Сына Твоего...".

Здесь священник говорит, поворачиваясь лицом к народу, хотя закрыты царские врата и закрыта завеса: "Мир всем". Вы знаете, что этот возглас употребляется во время службы не однажды и, конечно, смысл его совершенно понятен. Но этот момент все-таки является моментом особенным. Следует это из того, как отвечает хор. Сначала он поет: "И духови твоему", а дьякон говорит: "Возлюбим друг друга, да единомыслием исповемы". И хор поет: "Отца и Сына и Святаго Духа, Троицу Единосущную и Нераздельную".

В это время священник трижды поклоняется престолу со словами: "Возлюблю Тя, Господи, крепосте моя, Господь утверждение мое и прибежище мое" — и целует дискос, чашу и престол. И потом, если он

служит не один, то отходит немного вбок от престола, а другой священник подходит и целует тоже престол, потом подходит к возглавляющему священнику, а если это архиерей, то к архиерею. И старший священник говорит младшему: "Христос среди нас", а сослужащий отвечает: "И есть и будет", и здесь полагается братское целование миром. Они целуют друг друга в правое и левое плечо и руку с этими словами. В это время открывается завеса, и после возгласа дьякона: "Двери, двери, премудростию вонмем" — начинается пение Символа веры.

"Двери, двери" — это возглас тоже отчасти архаичный, который здесь употреблялся в древности для того, чтобы приставленная стража, которая называлась по-гречески архалуфы, стоявшая у дверей, следили за тем, чтобы никто из оглашенных или неверных не вошел в храм, чтобы в храме присутствовали только верные, потому что здесь начинается уже самая главная часть литургии верных, и никто из неверных не может здесь присутствовать, это тайное служение, служение только для посвященных. Поэтому возглас "Двери, двери" означает: смотрите за дверями, чтобы никто не вошел в это время.

Но прежде чем пели Символ веры в древности, здесь все верующие тоже целовали друг друга. Мужчины целовались с мужчинами, а женщины с женщинами. В древности они стояли врозь. И это целование мира, конечно, тоже символично. Сам возглас дьякона "Возлюбим друг друга, да единомыслием исповемы" все объясняет. Прежде чем мы хотим исповедовать свою веру, то есть ее провозгласить вслух (а пение Символа веры есть исповедание веры), мы должны как бы засвидетельствовать свое единство, свою любовь друг к другу.

Иначе говоря, служение литургии невозможно по-настоящему, если мы не едины в любви. Поэтому священники говорят друг другу: "Христос среди нас, и есть и будет", вспоминая как бы слова Христа: "Где двое или трое собраны во имя Мое, там Я среди них". Так же и весь народ вдохновляется этими же словами и этой же мыслью: присутствует среди нас Христос, Сам Христос между нами. И мы должны приступать к Нему с любовью и свое дело исповедовать должны, сохраняя Его заповедь. А заповедь Господню вы помните: "Заповедь новую даю вам: да любите друг друга. По тому узнаю, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою". Невозможно быть учениками Христа, невозможно называться христианами, если не будет между нами любви.

Таким образом, как вы сами понимаете, наша современная жизнь очень далека от того, чем она должна быть, потому что сейчас мы, присутствуя в храме во время служения Божественной литургии, меньше всего думаем о том, чтобы друг друга любить. Обычно мы слушаем все эти слова, совершенно их не принимая в сердце, как бы автоматически. Дьякон говорит, а мы в это время толкаемся, ставим свечи, что нам кажется гораздо более важным, объясняем друг другу, почему нам надо вести себя так, а не иначе... То есть, меньше всего беспокоимся о том, чтобы любить друг друга, а по большей части друг друга просто не знаем. Только, может быть, в новых храмах, которые сейчас открываются, где прихожан еще мало, куда приходит какая-то община

— 11 новая — там еще люди знают друг друга. А в больших храмах, которые давно уже являются действующими, там существует приход, там общины часто даже и нет. То есть, люди совершенно друг другу не известны и сошлись сюда, что называется, по территориальному признаку, просто они живут в этом районе и поэтому ходят в этот храм. И они могут друг друга так никогда и не узнать. И вот если я спрошу вас, знаете ли вы по именам всех, кто стоит рядом с вами, я уверен, что большинство людей вам не известны. Вы можете годами ходить в храм и никогда не поинтересоваться, как зовут ту или иную бабушку, чем она живет, в чем нуждается, какие у нее сложности, болезни, страдания. Потому что вы не для того пришли, вы пришли помолиться Богу и, может быть, поговорить с духовным отцом, со священником. Ну, может быть, у вас есть какая-то группа знакомых людей, но до всех остальных вам нет никакого дела.

Вот такое ужасное охлаждение, такая страшная трансформация христианской жизни означает, конечно, последние времена. Это есть, конечно, страшный упадок и отступление. Тут невольно вспоминаются слова Христа: "Когда приду, найду ли веру на земле?" и слова апостола о том, что в последние времена охладает любовь. Именно христианская любовь и делает нас Церковью. Конечно, и Божественная литургия, но она без любви не может совершаться, это противоестественно. Литургия без любви — это почти святотатство. И тем не менее, как это ни страшно, но это стало для нас нормой. Более того, есть даже совсем страшные случаи, когда священники служат вместе, находясь во вражде.

Вот это особенно ужасно, и это тоже есть страшный образ нашей жизни современной. Священник находится в безвыходном положении, он зависим от архиерея — куда архиерей его поставит, там он и должен служить, в другом храме служить он не имеет права. И вот еще недавно, во времена советской власти, по инициативе уполномоченных специально старались в одном храме соединить священников, которые были несовместимыми по своим устремлениям, для того, чтобы между ними не было единства,

не было единомыслия, чтобы они свою энергию тратили на борьбу друг с другом. И очень много было храмов соборных, где между священниками служащими настоящая вражда была. И, конечно, совершать литургию, говорить "Христос посреди нас" в этот момент было очень и очень трудно, почти невозможно.

Здесь мне хочется вспомнить один исторический, очень важный для нас эпизод. Изучая новейшую историю церкви, т.е. историю церкви 20 века, вы услышите о том, что в 1927 году была издана декларация митрополитом Нижегородским Сергием, которая повлекла за собой раскол, и среди ведущих, самых главных и авторитетных архиереев возникло несогласие. Несогласные с митрополитом Сергием были отправлены в ссылку или в тюрьму, а впоследствии расстреляны. Но вот существует и дошла до нашего времени совершенно удивительная переписка митрополита Кирилла, который был назван первым местоблюстителем Патриаршего престола в завещании Патриарха Тихона, и митрополитом Сергием, которые друг с другом разошлись во мнениях о том, как следует устраивать церковную жизнь. И между ними прекратилось общение литургическое, евхаристическое общение.

Митрополит Кирилл находился в ссылке, а митрополит Сергей стал заместителем Патриаршего местоблюстителя в Москве. И вот в переписке обсуждается вопрос: почему митрополит Кирилл не служит литургию вместе с митрополитом Сергием или его сослужителями — теми священниками, которые ему подчиняются, т.е. поминают его на литургии. Означает ли это, что митрополит Кирилл считает служение митрополита Сергея и его последователей безблагодатным? И митрополит Кирилл отвечает на это: "Нет, я ни одной минуты не сомневаюсь в том, что литургия, которую вы совершаете, является благодатной. Конечно, совершается Тайна Христова. И не поэтому я не могу с вами служить, а потому, что общее с вами служение, при том, что мы с вами не можем согласиться в очень важных для нас проблемах, потому что мы считаем друг друга неправыми, было бы нам в суд и в осуждение. Не можем мы с вами служить вместе литургию, если между нами нет единомыслия".

Эти письма, которые почти являются мученическими актами, уже опубликованы и будут публиковаться, потому что являют удивительную высоту души митрополита Кирилла. Эти письма показывают, что в страшное время гонений (а митрополит Кирилл, один из крупнейших иерархов нашей церкви, был расстрелян в 1937 году, а до этого почти все время советской власти провел в разных ссылках и тюрьмах, почти не выходя из них — около 20 лет) для него вопрос о том, как он совершает литургию — в единомыслии или нет, — был чрезвычайно важен. Он не мог совершать литургию с тем, с кем он не был единомыслен, с кем он не был согласен.

А вот мы с вами дошли уже до такого страшного момента, когда у священников не находится мужества или они бывают равнодушными и готовы совершать литургию формально, когда между ними нет согласия, а они все-таки вместе служат. Хотя по-настоящему они должны были бы сказать: я не могу с тобой служить, раз мы не можем договориться, примириться, согласиться друг с другом.

Ни в коем случае я не хочу сказать, что нам сейчас надо перестать ходить в храм и, поскольку между нами бывают какие-то несогласия и ссоры и священники бывают не совсем в единомыслии, перестать участвовать в литургии. Я этого сказать, конечно, не хочу и не могу так думать и надеюсь, что вы меня так не поймете. Я хочу сказать совсем другое: совершая Божественную литургию, мы должны быть реально единомысленными, мы должны друг другу все прощать, всем сердцем устремляться к тому, чтобы достичь единодушия, достичь единства. Мы должны уступать, смиряться, любовью покрывать ошибки друг друга. А если же вдруг оказывается такая ошибка, которую мы не в силах покрыть любовью — такое может быть, особенно если дело касается самой церкви, т.е. не меня лично обидел священник, а я вижу, что он кощунствует, что так нельзя поступать, как он поступает. Например, в Выре в недавнее время еще священники были неверующие, то есть священники, которые явно святотатствовали. Оказалось так, что я должен с ним в одном храме быть. Тогда христианский долг требует, чтобы я сказал: нет, я с тобой вместе служить не могу, потому что такое служение совместное при несогласии моем внутреннем будет мне в осуждение.

Таким образом, момент единодушия, единомыслия чрезвычайно важен. И сейчас все мы, совершая вместе Божественную литургию, должны ощущать, что мы — единое стадо Христово, единое тело Христово, Церковь. Между нами не должно быть каких-то недобрых чувств, обид непрощенных или вражды. Не должно быть даже и холодности, равнодушия, мы должны всем сердцем чувствовать свое единство. Это есть непреложное условие благоговейного совершения Божественной литургии. Мы должны ощущать себя каждой частицей единого Тела Христова, только тогда наше служение не будет нам в осуждение.

И вот после такого целования мира, которое сейчас совер-

— 13 шается только в алтаре самими священниками, как я уже сказал, а среди мирян не совершается, к сожалению, мы исповедуем свою веру. Пение Символа веры — это есть наше общее исповедание. Мы тоже, конечно, поем Символ веры уже привычным образом, и у нас не возникает мысли, почему нужно петь здесь Символ веры и вообще, нужно ли это — петь каждый день одну и ту же молитву. Но в

дальнейшем мы увидим, что при совершении таинства от христиан всегда требуется исповедание веры. Это вполне естественно, потому что и Господь сказал: "По вере вашей будет вам". Таинство совершается по вере, так что исповедание веры есть не просто какое-то общее пение или молитва "на всякий случай" это есть существеннейшая часть литургии. Мы должны здесь засвидетельствовать, исповедовать свою веру. Именно только с этой верой мы можем приступить к кульминации литургии, самой главной части литургии, которая называется анафора, или евхаристический канон. "Анафора", как вы помните, означает "возношение", это центральная древнейшая часть литургии. Так вот перед тем, как будем совершать анафору, мы должны соединиться в любви и вместе единомысленно исповедовать свою православную веру. Только тогда и может достойно совершаться нами Божественная литургия, когда мы единомысленны, когда мы вместе, одинаково верим. И, конечно, здесь дело не только в том, чтобы верить одинаково всем, но и в том, чтобы именно верить.

Почему делаю на этом акцент? Потому что даже здесь, в нашем Богословском институте, у меня нет уверенности, что мы с вами все одинаково верим. Почему? Да просто потому, что большинство из нас, вполне возможно, и не знает, во что, собственно, мы верим. Главные догматы вы, наверное, знаете. Но целое учение Церкви, я думаю, вряд ли многие из вас знают. Вот мы будем изучать в догматическом богословии догматическое учение Церкви, т.е. предмет нашей веры, во что и как мы верим. А до тех пор, я думаю, большинство из вас не очень-то четко будет представлять себе свою собственную веру, а это очень плохо. Ведь для того, чтобы мы могли совершать литургию, очень важно, чтобы мы знали, во что верим, чтобы Символ веры для нас был не просто заученной скороговоркой, а чтобы это было действительно исповедание главных истин веры, чтобы мы понимали свою веру, могли ее объяснить, чтобы могли сказать, что является основанием нашей христианской жизни.

Такое исповедание веры является последним моментом в приготовлении к самому главному моменту священнодействия, которое, как я сказал, называется анафорой и о которой я буду говорить уже в следующей лекции.

27.10.93.